

Глава 3

Ань Ци явно не ожидал от него такой напористости. Он невольно разжал пальцы, которыми до этого вцеплялся в косяк, и Линь Суе, воспользовавшись моментом, настезь распахнул дверь.

В глубине номера на диване сидел мужчина. Закинув ногу на ногу и небрежно оперевшись локтем о спинку, он внимательно наблюдал за происходящим у входа. В другой руке он сжимал свернутый в трубку сценарий.

Шэнь Хуэйцы.

Тот самый Гун №2 из оригинала, который во снах Линь Суе мелькал с завидным постоянством.

Линь Суе знал о нем задолго до того, как узнал о существовании романа, и причиной тому был Мо Гуаньци.

Гуаньци, выходец из семьи потомственных звезд, ворвался в шоу-бизнес сразу после школы. Благодаря яркой внешности и таланту он мгновенно взлетел на вершину Олимпа. Став топ-идолом, он неизбежно столкнулся с Шэнь Хуэйцы, чья популярность годами оставалась непоколебимой. Маркетологи и СМИ обожали сравнивать их, а фанаты обоих лагерей напоминали бочки с порохом: стоило им сойтись, как начиналась канонада взаимных обвинений.

За эти годы в индустрии сменилось немало лиц, но эта парочка оставалась вечными соперниками.

Линь Суе частенько выслушивал жалобы Мо Гуаньци. Тот утверждал, что Шэнь Хуэйцы — человек крайне тяжелый: злопамятный, коварный, а язык у него острее любого холодного оружия.

Линь Суе, знавший теперь весь сюжет, про себя отметил: это как поглядеть. Каким бы ядовитым ни был этот Киноимператор, рядом с главным героем-шоу он превращался в само воплощение нежности. В искусстве быть «верным псом» он едва ли уступал самому Линь Суе в его прежней роли.

— У вас гости? — Линь Суе, вдоволь насладившись сценой, заговорил ледяным, безучастным тоном.

Ань Ци сейчас напоминал немого, которому отрезали язык — ни слова не мог выдать. Он лишь замер, уставившись на гостя с таким видом, будто ему было плевать, что о нем подумают.

Линь Суе невольно вспомнил, как этот момент описывался в оригинале:

«Ань Ци неподвижно стоял на месте, позволяя взгляду Линь Суе метаться между ним и Шэнь Хуэйцы.

Линь Суе, с трудом сдерживая гнев, прошипел: „Кто это?“

Ань Ци хранил молчание, даже не пытаясь ничего объяснить. Он опустил ресницы, скрывая бурю эмоций в глубине глаз. Его тело казалось хрупким, но спина оставалась прямой, словно тонкий стебель бамбука, который невозможно согнуть».

Видеть это воочию оказалось куда более раздражающим, чем наблюдать со стороны во сне. Линь Суе почувствовал, как в груди закипает глухое раздражение. Ему до смерти хотелось сказать: «Если не умеешь пользоваться языком — отдай его тем, кому он нужнее».

В книге главный герой-гун, столкнувшись с подобным поведением, пришел в ярость. Гун №2, преисполненный жалости к Ань Ци, едва не полез в драку. Это не только продвинуло сюжет, но и добавило Ань Ци очков «всеобщего любимца».

Сцены мужского соперничества всегда заставляли читателей визжать от восторга.

Линь Суе, разумеется, не собирался так унижаться. Пока Ань Ци старательно изображал из себя «белый лотос» на грани слез, Линь просто наблюдал за этим как за бесплатным представлением.

Тишину нарушил Шэнь Хуэйцы. Он не спеша свернул сценарий и поднялся. К удивлению Линь Суе, Киноимператор не бросился защищать Ань Ци, как того требовал канон. Напротив, его тон был почти безразличным:

— На сегодня хватит. Над остальным подумай сам. В ближайшие дни я буду занят, так что поищи себе другого наставника.

Лицо Ань Ци мгновенно побледнело. Мысль о том, что уважаемый старший коллега стал свидетелем его сомнительных связей, была невыносимой. Ему даже показалось, что Шэнь Хуэйцы заговорил так резко именно из-за появления Линь Суе.

Если бы Линь Суе узнал, о чем думает этот парень, он бы точно рассмеялся — самомнение у Ань Ци было поистине безграничным.

Как только один из участников сцены покинул номер, Линь Суе и сам потерял интерес к происходящему. Лицо Ань Ци совершенно не отвечало его эстетическим вкусам, и каждая лишняя секунда созерцания этой «красоты» казалась ему тяжким трудом. Он лишь мельком взглянул на парня, застывшего посреди комнаты, и издал короткий, неопределенный смешок.

В оригинале эта тройка разошлась, кипя от злобы друг на друга. Линь Суе тоже не собирался

церемониться.

— Оставь свои дешевые интриги при себе.

Он прищурился, глядя на Ань Ци, который выглядел так, словно его только что ударили.

— И помни о своем месте.

Предстоял ужин с этим «павлином» Мо Гуаньци, поэтому Линь Сунь первым делом заглянул в общественную уборную отеля, чтобы поправить прическу.

Встреча с Шэнь Хуэйци у раковин оказалась чистой случайностью. Тот стоял у зеркала и с пугающей тщательностью мыл руки. Он промывал каждый палец по отдельности, затем достал платок и принялся вытирать их снова и снова, пока кожа у основания ногтей не покраснела.

Выглядело это так, будто он только что прикоснулся к чему-то крайне нечистоплотному.

Линь Сунь осенило: Сяо Цзю советовала задеть Гуна №2, но в номере тот не последовал сценарию, и момента не представилось. Сейчас же был идеальный шанс.

— Господин Шэнь, — Линь Сунь подошел к зеркалу и принялся небрежно поправлять волосы. Его голос звучал насмешливо. — А вкус-то у вас прихрамывает.

Шэнь Хуэйци замер. Почему-то в этот миг он вспомнил те янтарные, словно пропитанные медом глаза, которые видел сквозь щель приоткрытой двери.

— У господина Линя он тоже не блещет.

— М-м?

Шэнь Хуэйци спрятал платок и, проходя мимо, бросил через плечо многозначительную фразу:

— На вашем месте я бы не стал держать подле себя того, кто не радуется глаз больше, чем я сам.

Линь Сунь не ожидал подобного выпада. Он мысленно обратился к Сяо Цзю, которая все это время сосредоточенно копалась в настройках системы:

«Что он имел в виду?»

Сяо Цзю, не отрываясь от мониторинга сюжета, ответила:

[Наверное, он хотел сказать, что вы очень красивый]

Система не видела в этом ничего странного — ее хозяин и впрямь был безупречен.

Линь Суе невольно улыбнулся и легонько щелкнул по золотистому шарiku:

— С чего бы ему меня хвалить?

[И то верно] — электронный мозг Сяо Цзю наконец заработал. — [Зачем Гуноу №2 хвалить носителя?]

Линь Суе лишь вздохнул.

«Ладно, забудь. Что там с заданием?»

[Все отлично! Прогресс сюжета сдвинулся на целых пять процентов!]

«Ясно. Осталось еще пятьдесят пять. И что же тут отличного?»

Линь Суе с бесстрастным лицом довел прическу до идеала и с чувством легкой меланхолии отправился в ресторан, где его уже ждал Мо Гуаньци.

— Чего такой кислый? — Мо Гуаньци ловким движением отправил порцию говядины в кипящий котел. — Кто тебе настроение испортил?

— Да так, пустяки.

Линь Суе принял тарелку с мастерски сваренными потрошками, густо обмакнул их в соус и принялся за еду.

— Брось, у тебя на лбу огромными буквами написано: «Я в бешенстве». Думаешь, я тебя не знаю? Рассказывай давай, что гложет нашего А Е?

Линь Суе помедлил, подбирая слова:

— Да вот... тот мелкий актер, с которым я контракт подписал.

Мо Гуаньци нахмурился:

— Он что, посмел тебе дерзить?

Линь Суе молча кивнул.

— Вот ведь! — Гуаньци отложил палочки, и его лицо тоже приняло недовольное выражение. — Ты его босс, с какой стати он портит тебе нервы?

Звезда экрана заговорил с праведным негодованием:

— В конце концов, ты его благодетель. Пристроил в компанию, дал ресурсы, оплатил лечение матери... Да он тебе в ноги кланяться должен, а не рожки корчить! Это же чистой воды неблагодарность. Скажи ему прямо: либо работает нормально, либо катится на все четыре стороны. На такое место очередь из желающих выстроится.

— Терпеть не могу таких типов, — продолжал возмущаться актер. — Сами соглашаются, а потом делают вид, будто их под дулом пистолета заставили. Фальшивка.

Сяо Цзю парила над паром от котелка и мысленно аплодировала каждому слову. Если бы не страх перед взором Небесного пути, она бы уже давно уговорила хозяина бросить всё и сбежать из этого дурацкого сюжета.

Линь Суе не выдержал и рассмеялся, подкладывая другу свежий кусочек рубца:

— Ладно тебе, не кипятись. Остынь немного.

— А что я такого сказал? Если бы у нас в компании кто-то из подчиненных так себя вел с боссом, моя старшая сестра уволила бы его в ту же секунду.

Мо Гуаньци, человек увлекающийся, быстро сменил тему, заметив, что Линь Суе повеселел. Он принялся вспоминать школьные годы, потом перешел на сплетни из мира шоу-бизнеса, и в итоге застрял на истории о том, как одного магната в городе Юнь застучала с любовницей собственная дочь и устроила ему взбучку прямо на улице. Гуаньци перескакивал с темы на тему так стремительно, что за ним было не угнаться.

Но благодаря его болтовне Линь Суе окончательно забыл о неприятном инциденте. Теперь перед его мысленным взором стояла лишь картина разъяренной дочери и незадачливого бизнесмена.

После ужина Мо Гуаньци нужно было срочно уезжать в соседний город на съемки, но ассистент сообщил, что информацию о его маршруте кто-то слил, и машину заблокировали

толпы фанаток. Линь Суе щедро махнул рукой и предложил свой внедорожник, за что был удостоен крепких объятий.

Линь Суе с притворным отвращением отстранился:

— Всё-всё, не переигрывай.

Мо Гуаньци, уже садясь в машину, не удержался от картинного воздушного поцелуя:

— Дорогой А Е, вернусь — отблагодарю лично!

— Исчезни уже! — со смехом отбрил его Линь Суе.

Проводив друга, Линь решил заказать доставку своего мотоцикла из ближайшего сервиса — как раз подошло время забирать его после техобслуживания.

Иссиня-черный корпус байка сливался с ночными тенями, поглощая свет редких фонарей и лишь на изгибах отсвечивая холодным блеском. Линь Суе с любовью коснулся металла, перекинул длинную ногу через сиденье и уже собирался надеть шлем, когда на телефон пришло уведомление.

Он нехотя открыл сообщение. Старейшины из совета директоров снова что-то бурно обсуждали в рабочем чате. Недовольно цыкнув, Линь вытянул ноги. В облегающих брюках они казались бесконечно длинными. Легко удерживая тяжелый байк, он одной рукой прижал шлем к боку и принялся прямо на месте разбираться с делами.

Линь Суе увлеченно строчил ответ, пока перед его глазами не появились чьи-то лакированные туфли. Только тогда он медленно поднял голову.

Шэнь Хуэйци, судя по всему, тоже только что закончил ужин и теперь ждал машину.

— Какая встреча, — его взгляд невольно задержался на глазах Линь Суе.

Линь Суе лишь вскинул бровь. Желания поддерживать светскую беседу у него не было, и он уже собрался уезжать.

— У молодого директора Линя отличный вкус.

Линь Суе недоуменно нахмурился. К чему эти странные фразы?

— Мо Гуаньци, пожалуй, будет поинтереснее, чем Ань Ци.

«О как. Значит, этот тип решил, что Гуаньци — тоже моя „канарейка“?»

Шэнь Хуэйцы был мастером притворства. Маска благовоспитанности приросла к его лицу намертво, скрывая истинную натуру законченного мерзавца. Его слова всегда звучали мягко, но при внимательном рассмотрении за каждым словом крылась язвительная ирония.

К несчастью для него, Линь Суе больше всего на свете ненавидел таких людей.

И лучше всех умел ставить их на место.

— О да, — уголки губ Линя дрогнули в улыбке. — Гуаньци не просто лучше какого-то там Ань Ци. Во всем шоу-бизнесе не найдется никого, кто мог бы с ним сравниться.

На безупречной маске Киноимператора едва заметно проступила трещина.

— Вот как? — эти слова он произнес почти сквозь зубы. — И на чем же основывается ваше суждение?

— На внешности, конечно, — Линь Суе посмотрел на него с самым невинным видом. — Господин Шэнь, вы в последнее время, должно быть, часто засиживаетесь допоздна? Выглядите как-то... постаревшим.

— Пейте больше воды, полезно для кожи.

С этими словами он надел шлем, крутанул ручку газа и умчался прочь.

«Иронизируй сколько влезет, а теперь — глотай пыль».

Шэнь Хуэйцы замер на месте. С каменным лицом он достал телефон и отправил сообщение ассистенту: «Привези в номер все наборы по уходу за лицом, что присылали бренды».

Ассистент ответил мгновенно: «Вы же говорили, что вашей коже это не нужно?»

Шэнь Хуэйцы: «Меньше вопросов. Вези».

Линь Суе мчался на мотоцикле, слушая, как ветер с силой бьет в одежду. Он почти растворился в ночи, и лишь серебряные аксессуары вспыхивали редкими искрами.

Сяо Цзю летела следом, изо всех сил махая крылышками и старательно докладывая обстановку:

— Хозяин, после вашего разговора с Шэнь Хуэйцы прогресс сюжета увеличился на два процента!

Линь Суе краем глаза заметил, как тяжело приходится малышке, и тут же сбросил скорость.

— Прыгай ко мне за пазуху.

[Ой! Как-то неловко!] — Сяо Цзю не успела договорить, как тут же радостно нырнула в теплое убежище.

Там было уютно и пахло парфюмом хозяина. Система была на седьмом небе от счастья.

Линь Суе почувствовал, как золотистый комок возится у него на груди, и негромко рассмеялся:

— Ты сказала, сюжет продвинулся?

[Да! Теперь у нас целых семь процентов соответствия оригиналу!]

Линь Суе был вполне доволен этим случайным результатом.

— Какая сцена следующая?

— Э-э... — Сяо Цзю замялась. — Давайте я лучше расскажу, когда мы будем дома.

— Это еще почему?

[Боюсь, вы так впечатлитесь, что не справитесь с управлением...]

— Неужели всё настолько плохо?

Линь Суе не стал настаивать. Дома он загнал байк в гараж, снял шлем и встряхнул волосами.

— Ну, выкладывай. Я готов.

[Хорошо] — Сяо Цзю набрала побольше воздуха и заговорила очень быстро. — [Следующая важная точка — ключевой момент для сближения героев. Главный герой-шоу подвергается

травле на съемочной площадке. Во время съемок сцены в воде один из персонажей специально портит дубли, заставляя Ань Ци снова и снова падать в воду. Ассистент сообщает об этом вам, и вы бросаете проект стоимостью почти в девять нулей, чтобы спасти его]

Линь Суе споткнулся на ровном месте.

Он ожидал многого, но к такому жизнь его не готовила.

[А вот что пишут читатели об этом моменте] — продолжала система.

«Разрешаю тебе стать его официальным мужем».

«Отличный зять».

«Повел себя достойно. Согласна выдать нашего малыша за тебя».

Сяо Цзю добавила с заботой:

[А комментарии, где фанаты пускают слюни на промокшего Ань Ци, я вам, пожалуй, показывать не буду]

...

<http://bllate.org/book/16112/1580795>